

Х Р О Н И К А

СЕВЕРНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ КАФЕДРЫ ФОЛЬКЛОРА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (1956—1959 гг.)

С 1956 г. кафедра фольклора филологического факультета МГУ регулярно проводит студенческие экспедиции по собиранию устного народного творчества в ряде районов Карельской АССР и Архангельской области¹. Экспедициями руководит доцент Э. В. Померанцева.

Основная задача экспедиций — обследование состояния эпической традиции в местах, где записывали былины П. Н. Рыбников, А. Ф. Гильфердинг, братья Б. М. и Ю. М. Соколовы, руководившие экспедициями Государственной Академии художественных наук (ГАХН) 1926—1928 гг. К настоящему времени экспедициями МГУ записано более 10 тыс. текстов, в том числе 185 былин, 236 былин-баллад, 7 «ранних» исторических песен, 177 «поздних» исторических песен, 210 духовных стихов, около 1200 сказок, свыше 3 тыс. песен, 600 заговоров, 900 загадок, 450 пословиц, 3400 частушек².

Цель настоящей статьи — осветить современное состояние русского эпоса в обследованных районах на основе материалов, собранных в этих экспедициях.

В XIX в. основным районом бытования былин остались северные области России. Но уже П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг отмечали ряд признаков угасания былевого эпоса и на Севере. В настоящее же время в связи с кардинальными изменениями, произошедшими в жизни русского населения Севера, этот процесс, конечно, протекает очень интенсивно, причем неравномерно по отдельным районам. Особенно сильно это заметно на объеме былинного репертуара.

В Заонежье сохранилась только треть сюжетов, зафиксированных собирателями XIX в. (13 из 37)³. Немалую роль в этом сыграла тесная экономическая связь Заонежья с Петрозаводском и Медвежьегорском. Знание былин в этом районе теперь стало уделом буквально нескольких стариков и старух.

На Пудог в советское время интенсивно развивалась лесная и лесопромышленная промышленность, это резко меняло быт пудожан. У Г. А. Якушова, Ф. А. Ко-нашкова и других знаменитых сказителей 20-х годов не оказалось преемников. В устье Шалы в 1957 г. не удалось записать ни одной былины, кроме повторной записи от А. Я. Малышевой. Характерно, что в этих районах Пудог, как и в Заонежье, почти не осталось былин-баллад, исторических песен, как правило, свидетельствующих о недавнем бытовании былин. Все эти жанры гораздо лучше сохранились в северной части Пудог: на Сумозере, Водлозере, Пильмасозере, Рагнозере. Здесь меньше лесопунктов, слабее связь с городами, почти нет переселенцев, сама жизнь носит более замкнутый характер. Экспедицией 1957 г. почти все былины записаны именно в этих местах (13 сюжетов из 36 ранее известных на Пудог, в одном-двух вариантах).

Кенозеро по количеству известных сюжетов раньше уступало Пудог и Заонежью, и тем не менее А. Ф. Гильфердинг утверждал, что «на Кенозере воздух... еще пропитан духом эпической поэзии»⁴, подчеркивая массовый характер исполнения

¹ Отчеты об этих экспедициях см.: «Вестник Московского государственного университета»: 1957, № 1; 1958, № 1; 1959, № 3; 1960, № 1.

² Материалы экспедиций хранятся в архиве Государственного Литературного музея в Москве.

³ Здесь и дальше все сопоставления будут проводиться только в пределах обследованной экспедициями МГУ территории.

⁴ «Онежские былины, собранные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», изд. 4-е, т. I, М.—Л., 1949, стр. 48.

былин. Собиранитель предполагал, что кенозерская эпическая традиция окажется более устойчивой, нежели прионежская. И действительно, если П. Н. Рыбниковым было зафиксировано 9 сюжетов былин, А. Ф. Гильфердингом — 20, экспедицией ГАХН 1927 г. — 22, то экспедиции МГУ отметили 20 сюжетов, причем большинство былин записано в нескольких вариантах. Кенозеро представляет собой сейчас своеобразный фольклорный оазис, где былина — один из компонентов устойчивой и архаичной фольклорной традиции. Этому способствовали, видимо, обособленное географическое положение Кенозера, большая удаленность от городов и промышленных строек.

Эпическая поэзия на Моше угасала уже во времена А. Ф. Гильфердинга; в 1959 г. удалось записать лишь два полуритмических пересказа былин.

Главной задачей экспедиций МГУ 1956—1959 гг. было изучение состояния эпической поэзии в названных районах, основной методикой работы — поголовный опрос представителей старшего поколения, которые могли помнить какие-либо эпические песни. При этом участники экспедиций интересовали не только места, в которых побывали предшествующие собиратели, но также и смежные районы.

Так была обследована восточная Пудоба, фольклор которой служит своеобразным мостиком между традицией Заонежья — Пудогги и Каргополья — Кенозера⁵. Собранные материалы, а в особенности воспоминания местных жителей, свидетельствуют о богатой в недалеком прошлом эпической традиции этого района. Даже в настоящее время былинный репертуар восточной Пудогги насчитывает 12 сюжетов. Однако абсолютное большинство записей — прозаические, нередко контаминированные тексты. Среди них следует отметить подробный, местами ритмический пересказ былины «Садко», записанный от уроженки д. Отовозера Д. Ф. Маташевой. Вариант этот очень близок к знаменитому сорокинскому тексту⁶. Несомненный интерес представляет также превосходное начало былины «Алеша Попович и Тугарин», записанное в д. Кривцы от А. И. Анкудинова. Таким образом, удалось отметить самую восточную точку распространения этого сюжета в Прионежье. В д. Салма на Салмозере записана пародия на былинку⁷, а на Тамбичозере — несколько «скоморошин» и небылиц.

Практически не известным до последнего времени оставался былинный репертуар д. Кумбасозера, расположенной в 26 км к западу от Кенозера⁸. В 1958 г. участники экспедиции МГУ произвели записи от жителей этой деревни и выходцев из нее. Выяснилось, что все исполнители принадлежат к роду Дорофеевых, их прямой прадед был первым поселенцем деревни Кумбасозера, основанной в первой половине XIX в. В репертуар отцов наших исполнителей входило десять былин; три из них «сказывались». Наши исполнители уже не могли петь былины, а «сказывали» их. Большую часть репертуара Дорофеевых составляют былины об Илье Муромце; редакции почти всех записанных текстов восходят к эпической традиции, занесенной на Кенозеро с р. Онеги. Вместе с тем начало былины «Василий Буслаевич», записанное в двух вариантах, сходно с водлозерскими текстами.

Во время экспедиций собирателям нередко приходилось убеждаться в том, что история бытования эпических произведений в обследуемых местах тесно переплетается с историей заселения этих мест. По-видимому, различие в репертуарах отдельных деревень или микрорайонов вызвано прежде всего разновременностью заселения. Поздние переселенцы приносили с собой менее богатую эпическую традицию, которая особенно быстро угасала на новых местах. Например, в деревнях на Ундозере, Почозере и других, расположенных к северу от Кенозера и р. Кены, записи произведены исключительно от выходцев с Кумбасозера, Кенозера, р. Кены и р. Онеги, переселившихся сюда совсем недавно.

Особенно интересными оказались результаты кратковременной работы в д. Самково на р. Кене (в 20 км к востоку от Кенозера). В конце прошлого века многочисленные деревни по обоим берегам Кены населяли преимущественно старообрядцы. До сих пор еще ходят рассказы об их замкнутой жизни, об их стремлении отгородиться от внешнего мира. И, может быть, именно в силу такой обособленности старообрядцев в их среде былины сохранились дольше, чем в соседних деревнях, и население получило в наследство от них богатую эпическую традицию. Зимой 1959 г. в д. Самково удалось записать «с голоса» два варианта былины «Чурила и Катери-

⁵ Ранее науке были известны 13 былин, записанных там от двух колодозерских сказителей (См. «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», изд. 2-е, т. II, М., 1910, № 138—145, 165—169), и единичная запись В. Р. Дмитриченко, произведенная на том же Колодозере в 1938 г. (См. «Былины Пудожского края», Петрозаводск, 1941, № 67). Других публикаций былин, записанных в восточной Пудобе, авторам статьи обнаружить не удалось.

⁶ «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. I, № 70.

⁷ Близкий текст помещен в сборнике «Былины Севера», т. I, Л., 1951, № 188.

⁸ Экспедицией ГАХН в 1927 г. на Кенозере была записана былина «Первая поездка Ильи» от уроженки Кумбасозера А. С. Спицной («Онежские былины», Государственный Литературный музей, «Летописи», книга 13-я, М., 1948, № 278). По свидетельству сына А. С. Спицной, она знала не одну эту былинку.

на», а семь былинных сюжетов представлены довольно полными и пространными пересказами. Записано также девять текстов хорошо сохранившихся здесь былин-баллад, среди которых — три варианта редкой в настоящее время баллады «Молодец и королевична». Характерно, что в Самкове не известны «поздние» исторические песни XIX в., тогда как рядом — на Кенозере и вокруг него — записано 166 таких текстов. По-видимому, это объясняется оторванностью старообрядцев от жизни района как раз в период возникновения и распространения этих песен.

Экспедиции МГУ побывали также в ряде мест Каргопольского района: на оз. Лаче, на Лекшмозере и в Ошевенском погосте. Только на Лекшмозере найдены остатки былин — несколько пересказов, чаще всего уже превратившихся в сказки. В других деревнях записаны лишь былины-баллады и «поздние» исторические песни; былин не обнаружено вовсе.

За время экспедиций 1956—1959 гг. студентами МГУ обследована довольно значительная территория от Заонежья и Выгозера на западе до Ундозера и озера Лаче на востоке. Среди населения этого обширного района только от 82 человек собирателям удалось записать былины в виде полных текстов, отрывков или пересказов; а в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг один всего за три месяца выборочной собирательской работы сумел познакомиться с искусством 73 сказителей.

Во времена А. Ф. Гильфердинга главными хранителями эпической традиции были мужчины (58 из 73 исполнителей, от которых он записывал тексты). Ныне в местах, где побывали экспедиции МГУ, мужчины составляют лишь четверть общего числа лиц, знающих былины. Большую часть времени мужчины проводили вдали от родной деревни: служили в армии, ходили «бурлачить», работали на лесопунктах и в городах, им предоставлялось больше возможностей выучиться грамоте. Поэтому естественно, что они быстрее забыли былины. В связи с этим в материалах экспедиций все большее место начинают занимать популярные в женской среде былины-баллады⁹.

А. Ф. Гильфердингу былины пели люди разных возрастов — от 18 до 88 лет, причем моложе 50 лет было около половины исполнителей. Участники экспедиций МГУ встретили лишь трех исполнителей моложе 50 лет и 17 исполнителей — в возрасте от 50 до 60 лет. Былины стали достоянием старшего поколения. И не случайно на вопрос, обращенный к кому-либо из местных жителей, знают ли они что-нибудь про Илью Муромца, собиратели получали такие ответы: «Не сто годов живу, не знаю» или «У меня еще век маленькой».

Новая жизнь неуклонно прокладывала себе дорогу, ломая старый уклад Севера. Изменились интересы северных крестьян, изменились и сами люди. По-иному стали они относиться ко многим явлениям, в том числе и к традиционному фольклору, роль которого в жизни стала гораздо скромней, чем прежде. Но сейчас еще встречаются сказители, которые в долгие зимние вечера поют и «сказывают» былины сами для себя, давно уже не находя аудитории. Текст былины они оберегают от всяких изменений: «Дедушка не так пел», — говорил А. Н. Сивцев, потомок знаменитого «поромского старика». Он очень удивился, когда студенты зимой 1959 г. захотели повторно записать от него былинку «Три поездки Ильи Муромца»: «Ничего не прибавлю, я врать не люблю — это дело не шуточно». Интересен диалог, произошедший между двумя сказителями. «Нонь, видно, нет таких могутных людей», — сказал как-то А. Н. Сивцев. «Нет, есть», — возразил ему А. М. Сивцев, — да что они сделать могут: налетит снаряд, дак... Если бы в рукопашную сходились, они бы себя показали».

Большинство прежних исполнителей давно уже не поют былин: «Я не пою стихов¹⁰, если бы вы не спросили, я бы и не вспомнила», — сказала кенозерка П. К. Старицына, прибавив даже: «а ну его, это старо... Отошли стихи в сторону, старое стали забывать, а пришло новое, хорошее». Все чаще былины осознаются как принадлежность старой жизни. «А теперь ни к чему эти богатыри. Танки — не такие богатыри», — говорил Ф. А. Шабанов на Пильмасозере. В деревне сейчас нередко можно слышать такие высказывания: «Я от старинного отстала...», — слышала старины, но они показались скучными».

И, наконец, нельзя не сказать о принципиально новом отношении к былинам, которое появилось, правда, у немногих исполнителей. Они видят в былинах прекрасные памятники народной поэзии, ценное культурное наследие прошлого. Такое отношение к былинам еще не осознано и не всегда подкрепляется твердой уверенностью.

Немалое влияние на судьбы былин оказывает книга, которая с успехом заменяет традиционный фольклор. Очень верно сказал об этом И. П. Артемьев, сын замечательной кенозерской сказительницы А. Т. Артемьевой: «Забываю, почему? Потому что много читаю. Вот, Алексей Николаевич (Сивцев — Ю. Н., Ю. С.) ходил со мной

⁹ Разумеется, процесс выдвижения былин-баллад на первый план зависел от ряда других обстоятельств, но преобладание их в собранном экспедициями МГУ материале обусловлено именно тем, что большинство записей в последние годы производится от женщин.

¹⁰ «Стихами» на Севере нередко называют не только духовные стихи, но и былины-баллады и даже былины. В данном случае имелись в виду былины.

в школу, три года все по складам читал, сейчас в газеты заголовка не прочтет, а старины он пороссказывает, потому что они у него в голове крепко засели».

С другой стороны, к книге иногда прибегают для заучивания редких уже в устном бытовании былин, причем книжные тексты причудливо переплетаются с элементами местной эпической традиции. Так, Ф. А. Шабанов с Пильмасозера соединил в один текст семь былин, частью заимствованных из «Книги былин» В. П. Авенариуса¹¹, частью слышанных им от разных лиц. Е. И. Алексеева, племянница известного братьям Б. М. и Ю. М. Соколовым сказителя О. И. Дмитриева, много читает и особенно любит фольклорные сборники. От нее были записаны «с голоса» два превосходных текста былин — «Илья и Калин-царь» и «Илья и Соловей-разбойник», но затем выяснилось, что обе былины сказительница позаимствовала из «Древних российских стихотворений, собранных Кириешю Даниловым», буквально затвердив их слово в слово. Ф. М. Спицын на Кенозере, пропев начало былины «Добрыня и Алеша», выученной им от матери, продолжил рассказ речитативом, изложив привычным для него былинным слогом подробнейшую прозаическую «биографию» Добрыни из «Библиотечки Ступина»¹². Подобные примеры, хотя и редкие, обязывают собирателей как можно тщательнее выяснять источники каждого текста.

Фольклористы МГУ не пренебрегали ни единым упоминанием о былинах, учитывали даже самые незначительные отрывки былин и самые скудные их пересказы, чтобы не только зафиксировать весь запас былевого эпоса на Севере, но и выяснить пути его эволюции.

Всего экспедициями МГУ записано (см. выше) 185 текстов былин. Отмечены сюжеты: «Вольга и Микула» — 4 варианта, «Илья и Святогор» — 9, «Исцеление Ильи» — 16, «Илья и Соловей» — 18, «Илья и Калин» — 3, «Илья и голи» — 2, «Илья и Идолище» — 8, «Илья и Сокольник» — 5, «Три поездки Ильи» — 28, «Добрыня и змей» — 10, «Добрыня и Маринка» — 7, «Добрыня и Настасья Микулична» — 6, «Добрыня и Алеша» — 36, «Алеша и Тугарин» — 1, «Иван Годинович» — 2, «Как перевелись богатыри» — 2, «Соловей Будимирович» — 1, «Молодость Чурилы» — 1, «Смерть Чурилы» — 11, «Садко» — 1, «Василий Буслаевич» — 7, «Дюк» — 9, «Ставер Годинович» — 9, «Иван Гостинный сын» — 6, «Соломон» — 12 (сюжетов здесь зафиксировано 214, а текстов — 185, так как часть сюжетов контаминирована). В 1956—1959 гг. удалось записать по одному варианту песен «Авдотья-Рязаночка», «Кострюк», «Сын Степана Разина», «Осада Соловецкого монастыря» и три варианта песни «Иван Грозный и сын».

Тексты былин далеко не равноценны по качеству; полных былин записано 39, текстов, представляющих собой начало былины, — 17, отрывков из былин — 16, пересказов былин — 87, контаминированных пересказов — 26. Эти цифры красноречиво говорят о состоянии былевого эпоса в обследованных районах. Былины, записанные в 1956—1957 гг., по своим художественным достоинствам значительно уступают прежним записям. Даже полные, законченные тексты обнаруживают несомненные признаки разрушения. Сейчас редко можно услышать, чтобы былина пелась; большей частью ее «сказывают», что удается людям, обладающим известным чувством стиха. Тем не менее во многих стихотворных текстах ритмическая строка былины подвергается стяжению. Характерно, что исполнители — особенно при «сказывании» былины — стремятся перейти на прозаический пересказ.

Собиратели неоднократно сталкивались со случаями путаницы имен: в былине «Добрыня и Алеша» вместо Добрыни выступает Чурила (Заонежье), в былине «Чурила и Катерина» Бермяту заменяет Ермак Тимофеевич (Заонежье), а героем былины «Иван Гостинный сын» оказывается Добрыня (Кенозеро). В былине «Три поездки Ильи Муромца» имя Ильи иногда отсутствует, остается только эпитет «старой» (Кенозеро).

Записи былин от преемников известных сказителей и некоторые повторные записи с промежутком в 30 лет позволяют судить о явной тенденции к значительному уменьшению размеров текста. Это происходит за счет обеднения художественных средств, используемых исполнителями. Так, бесследно исчезли запевы былин; почти не встречаются пространственные описания, которыми так богаты классические тексты. Исчезают типические места, наиболее красочные и богатые звучными, хотя и малопонятными словами: сборы богатыря, седлание коня, появление богатыря на почестном пиру и т. д. Исключение представляют пока описание княжеского пира и надпись на камне у трех дорог. Повторения уже не являются излюбленным приемом; напротив, их избегают, а если употребляют, то они отличаются сухостью, скомканностью.

Особенно заметно сокращаются в объеме боевые эпизоды; очень часто при исполнении былины о поединках сообщается прозой, буквально в нескольких словах. В этом случае обычно появляется ремарка о поединке. Так, И. А. Абрамов (Кенозеро) о схватке Ильи Муромца с Соловьем-разбойником сказал всего лишь следующее: «Ну, Илья как ударит его этим лугом, так ён с дуба и полетел».

¹¹ В. П. Авенариус, Книга былин, изд. 8-е, М., 1913.

¹² Титульный лист книги, найденной у сказителя, выглядит следующим образом: «Особ. Отд. Учен. ком. М. Н. П., допущ. в ученич. биб. М. Н. П., внесено в каталог книг для народн. читал. Библиотека Ступина, Москва». Год издания не указан.

Большинство исполнителей имеют весьма смутное представление о древнем оружии и употребляет его названия чисто механически, иногда же, позабыв их, придумывают свои: например, щит называют «заслоном», кольчугу — «железной жилеткой». При сравнении с классическими вариантами былин тексты современной записи поражают скудостью постоянных эпитетов. Разумеется, остаются такие сочетания, как «красна девушка», «добрый молодец», «сине море», «ясно солнышко» и пр., но ведь они вообще присущи народной поэзии и даже языку северных крестьян. Одна из лучших кенозерских сказительниц — А. М. Артемьева, исполняя былин «Соломон», употребляла преимущественно эпитет «белый»: «белое лицо», «белые руки», «белый двор» и даже «белые губы». В причетах же, записанных от нее, постоянные эпитеты богаты и разнообразны.

Сокращение былинного текста почти всегда сопровождается выпадением целых эпизодов, а нередко от былины остается только начало. Особенно характерно это для сюжета «Три поездки Ильи Муромца». Исполняется обычно лишь первая часть былины, при этом сохраняется былинный стих, а иногда и напев. Затем сообщается вкратце, что должно быть дальше, а часто исполнители даже затрудняются изложить содержание последующих эпизодов былины. Неоднократно записано также начало былины «Добрыня и змей».

Наряду с этим встречаются и отрывки из былин буквально в несколько строк. Чаще всего это наиболее употребительные и несложные типические места или присловья с афористическим содержанием, причем отнести их к какому-либо сюжету иногда бывает очень трудно: например, одна из лучших кенозерских сказительниц вдруг вспомнила: «А вот мой отец чего-то пел, а там: «Конь у Кирина запинаяется. А под конем мать сырая земля гибается». Между тем определение таких отрывков очень важно для выяснения репертуара района в прошлом.

Прозаические пересказы былин почти все появились в результате забвения былинного напева и разрушения стиха. Подобные пересказы в дальнейшем подвергались различным изменениям, поэтому они далеко не однотипны и не равноценны. От этих пересказов отличаются повсеместно распространенные «сказки» про былинных богатырей. Это — значительные по размерам и нередко контаминированные пересказы. Как правило, в качестве сказок они утвердились уже несколько поколений назад и рассказываются довольно часто и охотно. От былин в них остались лишь отдельные фразы и сочетания слов «начинает пороть груди белые», «желтые кудри», «булатный нож». В то же время в таких пересказах былин нередко встречается сказочный зачин «В некотором царстве...», вводятся эпизоды из сказок, место былинного князя Владимира занимает безымянный «царь» и т. п. Таков, например, текст «Царя Соломона» Ф. М. Спицына (Кенозеро), представляющий собой переплетение сказки и былины. С другой стороны, в традиционную волшебную сказку иногда попадает классический былинный зачин: «Во славном во городе во Киеве» и некоторые типические места былин. Сказки о былинных богатырях сохраняются даже в тех местах, где былины давно забыты (Лекшмозеро, Тамбичозеро).

Экспедициями МГУ, наряду с такими сказками, неоднократно записывались пересказы былин с сохранением значительного количества стихов. Как правило, так передаются рассказчиками былины, которые они когда-то слышали или пели сами. Некоторые сказители (А. Г. Болознева и О. А. Селюгина) то поют, то рассказывают прозой былин или былин-балладу, причем в обоих случаях и стихотворные и прозаические тексты представляют известную художественную ценность. Пересказы былин, часто повторяемые, имеют тенденцию к превращению в сказку. Хорошие сказочники (А. М. Мелехова, Ф. А. Власова) способны давно слышанное эпическое произведение довольно удачно переложить в форму сказки. Обычно же прозаические пересказы припоминают только для собирателей. Они невелики по размерам и лишены художественных достоинств.

Иногда былина превращается в бессвязный краткий рассказ, в котором на все лады повторяется какая-нибудь фраза, имя былинного героя или что-нибудь в этом роде.

Для современных исполнителей конфликты в былинах, в особенности социальные, становятся малоинтересными. Северный крестьянин с удовольствием рассказывает сказки о глупом попе и ловком работнике, но ему уже чужда та трактовка социальных конфликтов, которую мы знаем по классическим вариантам былин. Так, Кенозеро в прошлом славилось былинами с ярко выраженной социальной окраской — «Василий Игнатьевич и Батыга», «Ссора Ильи с князем Владимиром», «Молодость Чурилы». Теперь эти былины исчезли. Скоморошина «Птицы», пародирующая социальную иерархию XVII в., ныне известна исключительно в отрывках и не воспринимается исполнителями как сатирическое произведение. Наряду с этим содержание былин, сохранившихся в памяти северных крестьян, часто переосмысливается на новый лад.

Тенденция к сочинительству характерна для людей, получивших элементарные знания по истории России и в своих рассказах соединяющих эти сведения с тем, что они когда-то почерпнули из былин. Так, Я. В. Ушаков (Каргополье) рассказывал о смерти Настасьи Микуличны в битве со змеями на Кавказе, об обороне Киева от нашествия «польских и других еще княжеств».

Однако в высшей степени знаменательно, что сочинительство не проявляется при исполнении стихотворных текстов былин: сказители явно избегают нововведений, стремясь воспроизвести возможно точнее запомнившиеся им былины. Характерно, что

стихотворные былины почти никогда не контаминируются: отмечено только три случая контаминации сюжетов «Добрыня и змей» и «Добрыня и Алеша».

В материалах экспедиций МГУ гораздо лучше, нежели былины, представлены былины-баллады. Большинство (216 из 236) записано в виде полных стихотворных текстов. Сама тематика былин-баллад, тесно связанная с реальной действительностью, а также менее архаичная (по сравнению с былинами) форма обеспечили этому жанру большую популярность в наше время. Экспедициями МГУ отмечено 16 сюжетов былин-баллад: «Князь Роман жену губил» — 82 варианта, «Братья-разбойники и сестра» — 52, «Василий и Софья» — 33, «Насильственное пострижение» — 11, «Оклеветанная жена» — 10, «Михайло и рябинка» — 9, «Князь Михайло» — 8, «Князь, княгиня и старицы» — 8, «Молодец и королевична» — 5, «Три жеребья» — 5, «Дмитрий и Домна» — 3, «Казань-город на крови стоит» — 3, «Князь Волконский» — 3, «Молодец и речка Смородинка» — 2, «Молодец и худая жена» — 1, «Мать продает сына» — 1.

Нам трудно судить об эволюции репертуара былин-баллад какой-либо местности, так как собиратели XIX в. мало интересовались этим жанром, и сейчас нередко удается записать былины-баллады, сюжеты которых ранее не фиксировались в данном районе¹³. Вместе с тем следует отметить, что во всех обследованных деревнях большой редкостью стали такие древние сюжеты как «Горе», «Молодец и речка Смородинка», почти исчезли былины-баллады «Казань-город на крови стоит», «Князь Волконский». Очень часто исполнители утверждают, что родители, от которых они обычно перенимают фольклорные произведения, знали больше «стихов», да и сами они к старости многое забыли.

Одновременно с сокращением количества сюжетов былин-баллад заметно ухудшается и качество текстов. В них, как и в былинах, участились случаи путаницы имен, причем нередко героя былины-баллады называют именем былинного богатыря или святого из духовного стиха. Все чаще отдельные эпизоды из одного сюжета проникают в другой, а иногда в былину-балладу вставляются строчки из забытых уже былин. О разрушении этого жанра свидетельствует не характерное для него благополучное разрешение конфликта с оживлением героев («Князь, княгиня и старицы», «Князь Роман жену губил», «Братья-разбойники и сестра»). По-видимому, подобные концовки появились под влиянием волшебных сказок.

Все сильнее сказывается на былинах-балладах и влияние лирических песен: повествование часто ведется от первого лица, нередко повторяется каждая строчка текста, иногда появляется нечто вроде рефрена; неоднократно собиратели были свидетелями хорового исполнения былин-баллад. Наконец, отмечено 17 случаев контаминации их с лирическими песнями¹⁴. Исполнители часто и называют былины-баллады песнями.

Все это свидетельствует об усилении в былинах-балладах таких процессов, которые нарушают художественные нормы жанра и ведут к его исчезновению или трансформации, но иными путями, чем в былевом эпосе. Так, сюжеты былин-баллад чрезвычайно редко контаминируются и почти никогда не исполняются в прозаической форме; участниками экспедиции МГУ только дважды были записаны контаминированные тексты и четыре раза — прозаические. Причина этого кроется, вероятнее всего, в жанровых особенностях былин-баллад. Почти обязательная трагическая их развязка сужает возможность контаминаций, так как обычно сюжеты объединяют вокруг одного героя. Немногочисленность прозаических пересказов объясняется небольшим объемом, сравнительно краткой сюжетной линией былин-баллад и опять-таки их завершенностью.

Нередко встречаются импровизационные обработки отдельных эпизодов былин-баллад, а два текста в этом отношении представляют особый интерес — это баллада «Братья-разбойники и сестра», записанная от О. А. Селюгиной на Выгозере, и баллада «Князь Роман жену губил», записанная от А. М. Артемьевой на Кенозере. Обе сказительницы прекрасно владеют былинным стихом и, пользуясь сюжетной канвой баллад, создали своеобразные произведения.

Обращает на себя внимание дальнейшая судьба на Севере сербской песни про Иова и Мару в переводе Щербины. В 1871 г. Гильфердинг записал ее на Кенозере от неграмотной сказительницы и поместил в предисловии к «Онежским былинам» как своего рода курьез. После этого собиратели неоднократно записывали или слушали эту сербскую балладу на Севере¹⁵. Экспедиция МГУ 1957 г. нашла еще на один след

¹³ Например, экспедициями МГУ на Выгозере зафиксированы шесть сюжетов былин-баллад, которые не были учтены там А. Ф. Гильфердингом.

¹⁴ Все случаи относятся к сюжету «Князь Роман жену губил».

¹⁵ А. В. Марков слышал «Иова и Мару» в Сумском Посаде и в селе Поное на Терском берегу (А. В. Марков, Отчет о поездке в губернии Пермскую и Архангельскую летом 1909 г., СПб., 1911, стр. 8); два свидетельства о бытовании песни на Терском берегу приводит О. Э. Озаровская (О. Э. Озаровская, Пятиречье, Л., 1931, стр. 409—410); наконец, в 1957 г. аспирант Пушкинского Дома Д. М. Балашов вновь записал «Иова и Мару», на сей раз начало песни («Русский фольклор. Материалы и исследования», IV, М.—Л., 1959, стр. 419). Интересно, что эта песня, близкая по содержанию к русской былине-балладе «Василий и Софья», чаще всего встречается на Беломорском побережье, где последняя не известна.

этой песни: в д. Гольяницы на Водлозере от девяностолетнего слепого старика В. В. Воробьева была записана довольно пространная «Сказка про Ова-молодца и девушку Мару».

Результаты собирательской работы студентов МГУ в 1956—1959 гг. свидетельствуют о несомненном угасании эпической традиции на Севере. Это касается не только былин, но и былин-баллад, исторических песен, духовных стихов. Наряду с внутрижанровыми изменениями, которые авторы попытались рассмотреть в данной статье, в ряде случаев отмечено тесное взаимовлияние различных жанров, приводящее к серьезным качественным изменениям. Эти процессы трудно определить без сплошной записи всех жанров фольклора, без изучения изменения роли традиционного фольклора в жизни населения обследуемого района. Необходимо также заняться, пока не поздно, изучением фольклора прилегающих районов, который оказал некогда немало-важное влияние на формирование фольклорной традиции таких крупных эпических центров, как Кенозеро, Водлозеро и др.

Ю. Новиков, Ю. Смирнов

ФОЛЬКЛОР САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

(По материалам экспедиций последних лет)

Собирание и изучение народно-поэтических богатств своего края давно стало прочной традицией кафедры русской литературы Саратовского университета. Направление этой работы всегда подсказывалось запросами жизни. Так, в послевоенные годы было организовано несколько тематических фольклорных экспедиций. Это были экспедиции 1945 и 1946 гг. за сказками и песнями о В. И. Чапаеве в места боевых действий Чапаевской дивизии, а также за песнями и частушками о Великой Отечественной войне¹. В 1950 и 1951 гг. состоялись экспедиции на родину советских писателей А. Н. Толстого, автора «Детства Никиты», и Ф. В. Гладкова, автора «Повести о детстве», — произведений, созданных на основе их воспоминаний о детстве, протекавшем в бывшей Саратовской губернии. Одной из задач фольклорной экспедиции 1959 г. была запись в селах Колышлейского района Пензенской области воспоминаний о В. Г. Короленко, который не раз наезжал к родственникам, «далеко в глушь, в саратовскую деревню»², а после поездки в 1911 г. написал очерк «В успокоенной деревне» об истязании крестьян в д. Кромщины бывшей Саратовской губернии.

Были экспедиции и другого характера. Они направлялись либо в те районы и села Саратовской области, которые еще ни разу не посещали фольклористы (Ширококарамышского, Свердловского, Бакурского, Жерновского, Аркадакского, Ртищевского, Аткарского и других районов), и имели целью обследование песенного репертуара населения этих мест, либо, напротив, производили записи там, где они делались 60—30 лет назад (села Петровского, Турковского районов), чтобы судить о том, как изменяются традиционные жанры и какие рождаются новые произведения.

Эти экспедиции были организованы в связи с теми решениями, которые приняли участники совещания фольклористов и музыковедов Поволжья, происходившего в 1955 г. в Саратове и ставившего своей целью, координировав силы фольклористов Поволжья, наладить планомерную работу по собиранию и изучению волжских песен. Участниками экспедиций были студенты филологического факультета Саратовского университета, руководили собирательской работой Т. М. Акимов и В. К. Архангельская. В этих экспедициях были записаны многие сотни песен и тысячи частушек (с вариантами), что дало возможность сделать некоторые выводы о бытовании традиционного песенного репертуара, о его состоянии и жанровом размещении³.

¹ Экспедиции побывали в Пугачевском, Чапаевском, Ивантеевском, Клинцовском, Хвалынском районах. Результаты этих экспедиций отражены в книге Т. М. Акимовой «Сказы о Чапаеве» (Составление, предисловие и комментарии Т. М. Акимовой. Саратов, 1951; второе дополненное издание, Саратов, 1957) и в статье того же автора «Песни Саратовского Поволжья в годы Великой Отечественной войны» («Литературный Саратов», 1949, кн. 10).

² См.: В. Г. Короленко, В успокоенной деревне. Картинки подлинной действительности, Собрание сочинений в 10 томах, 1955, т. IX, стр. 613.

³ Отчеты об экспедициях публиковались в местной печати: в сборнике «Литературный Саратов»: В. К. Архангельская, Экспедиция на родину Ф. Гладкова (кн. 13, 1951, стр. 193—198), в газете «Коммунист»: ее же, Фольклорная экспедиция (16 августа 1951 г.); Ф. Соколов и В. Архангельская, Бережь фольклорное богатство Саратовского Поволжья (20 августа 1957 г.); В. Архангельская, Новые записи фольклора (11 августа 1958 г.), в газете «Заря молодежи»: ее же. За сказками, за народными напевами (21 августа 1959 г.).